

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.1.7>

UDC 902.6
LBC 63.44

Submitted: 17.11.2024
Accepted: 04.12.2024

**VOTIVE HOARD OF THE LATE 3rd – EARLY 2nd CENTURIES BC
IN THE KURGAN OF THE BELOMECHETSKAYA-1 BURIAL GROUND
OF THE KARACHAY-CHERKESS REPUBLIC¹**

Vyacheslav P. Glebov

Archaeological Research Bureau, Rostov-on-Don, Russian Federation

Anton V. Dedyulkin

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. In 2020, the expedition of OOO Kavkazgeoresurs discovered a votive hoard during excavations of kurgan 3 of the Belomechetskaya-1 burial ground in the steppe foothills in the north of the Karachay-Cherkess Republic. The hoard was located in the southwestern sector of the kurgan and was a cluster of horse harness items: bits, cheekpieces, and attachments (at least 14 sets), as well as a spearhead and a buckle. Based on the combination of different types of cross-shaped bit attachments – with serrated protrusions at the ends and in the middle part of the crosspieces – the complex can be dated back to the late 3rd to early 2nd centuries BC. The ritual hoard from Belomechetskaya-1 is interesting primarily for its geographical location. In the Central Ciscaucasia, unlike the Don and Kuban regions, ritual hoards are very rare. The votive hoard from the Khankala hillfort II, similar in composition, was found on the territory of an inhabited settlement, which is completely uncharacteristic of ritual hoards. Finds of helmets and other items from Kurganinsk and the environs of Kislovodsk, most likely, have no relation to ritual hoards. Thus, the complex from Belomechetskaya-1 is the first ritual hoard of horse harness items and weapons for the Central Ciscaucasia – buried in the large kurgan, not associated with burials, containing several sets of horse bridles and a spearhead. The discovery of this complex allows us to assert that the Sarmatians of the Central Ciscaucasia also had a tradition of burying ritual hoards, although, apparently, on a smaller scale than in the steppe Kuban and Don regions.

Key words: Central Pre-Caucasus, Northern Black Sea region, votive hoard, Sarmatians, horse bridle, armament.

Citation. Glebov V.P., Dedyulkin A.V., 2025. Ritual'nyy klad vtoroy poloviny III – nachala II v. do n.e. v kurgane mogil'nika Belomechyotskaya-1 v Karachaevno-Cherkesii [Votive Hoard of the Late 3rd – Early 2nd Centuries BC in the Kurgan of the Belomechetskaya-1 Burial Ground of the Karachay-Cherkess Republic]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 1, pp. 153-172. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.1.7>

УДК 902.6
ББК 63.44

Дата поступления статьи: 17.11.2024
Дата принятия статьи: 04.12.2024

**РИТУАЛЬНЫЙ КЛАД ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ III – НАЧАЛА II в. до н.э.
В КУРГАНЕ МОГИЛЬНИКА БЕЛОМЕЧЁТСКАЯ-1
В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ¹**

Вячеслав Петрович Глебов

Археологическое научно-исследовательское бюро, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Антон Владимирович Дедюлькин

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. В 2020 г. экспедицией ООО «Кавказгеоресурс» в степном предгорье на севере Карачаево-Черкесской Республики при раскопках кургана 3 могильника Беломечётская-1 был открыт ритуальный клад – предметы конской упряжи (не менее 14 комплектов узды), а также наконечник копья и пряжка. По сочетанию разных вариантов крестовидных насадок на удила, с зубчатыми выступами на концах и в средней части крестовин, комплекс может быть датирован второй половиной III – началом II в. до н.э. Ритуальный клад из Беломечётской-1 интересен прежде всего своим географическим положением. В Центральном Предкавказье, в отличие от Подонья и Прикубанья, ритуальные клады не имеют распространения. Комплекс со второго Ханкальского городища, похожий по составу, найден на территории обитаемого поселения, что совершенно не характерно для ритуальных кладов. Находки шлемов и других вещей из Курганинска и окрестностей Кисловодска, скорее всего, не имеют отношения к ритуальнымкладам. Таким образом, комплекс из Беломечётской-1 – это первый для Центрального Предкавказья ритуальный клад предметов конской упряжи и вооружения «классического» облика – захороненный в большом кургане, не связанный с погребениями, содержащий несколько комплектов конской узды и наконечник копья. Открытие этого комплекса позволяет утверждать, что сарматам Центрального Предкавказья также была присуща традиция захоронения ритуальных кладов, хотя, видимо, и в меньших масштабах, чем в степном Прикубанье и Подонье.

Ключевые слова: Центральное Предкавказье, Северное Причерноморье, ритуальный клад, сарматы, конская узда, вооружение.

Цитирование. Глебов В. П., Дедюлькин А. В., 2025. Ритуальный клад второй половины III – начала II в. до н.э. в кургане могильника Беломечётская-1 в Карачаево-Черкесии // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 1. С. 153–172. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.1.7>

В 2020 г. экспедиция ООО «Кавказгеоресурс» под руководством В.А. Меньшиковой проводила исследования курганов в северной части Ногайского района Карачаево-Черкесской Республики на границе со Ставропольским краем, близ станицы Беломечётская (рис. 1). В плане геоморфологии эта территория относится к степной предгорной зоне. При раскопках кургана 3 могильника Беломечётская-1 на правом берегу р. Смертная балка (приток р. Малый Зеленчук) был открыт ритуальный клад – предметы конской упряжи: удила, псалии, насадки, а также наконечник копья и пряжка.

Современные размеры кургана 3 составляли: высота 6 м, диаметр 63 м. Наиболее раннее захоронение, над которым была возведена первоначальная насыпь, полностью разрушено ограблением. Помимо него в кургане были исследованы погребения эпохи средней и поздней бронзы, сопровождавшиеся досыпками. В раннем железном веке в насыпи был захоронен ритуальный клад, погребальные комплексы этого времени в кургане отсутствуют.

Ритуальный клад, в полевой и отчетной документации обозначенный как ситуация,

находился в юго-западном секторе, приблизительно в 10 м от R₀ (вершина кургана). С учетом большого диаметра насыпи это место можно отнести к центральной части кургана. Глубина захоронения вещей составляла 1,12–1,23 м от R₀, около 0,80 м от современной поверхности².

Все вещи, включая наконечник копья, были найдены на участке размерами 0,19 × 0,42 м, очевидно в непрослеженной небольшой ямке. Предметы конской упряжи и пряжка располагались компактно (возможно, были завернуты в ткань или кожу), наконечник копья находился в 0,05 м к ЮЮВ от этого скопления (рис. 2,1). Некоторые предметы фрагментированы и согнуты – вероятно, деформированы ножом бульдозера, многие скипелись (рис. 2,2).

Состав комплекса:

1. Железный наконечник копья (рис. 3,1). Перо небольшое, листовидной формы, в сечении ромбическое, втулка длинная, расширяющаяся к устью, трубка втулки свернута в верхней части краями встык, в нижней части края расходятся на 0,5–0,7 см. Размеры: длина наконечника не менее 35 см, длина пера около 16 см, перо в сечении 3 × 1,1 см, диаметр втулки в верхней части (у перехода

в перо) 2,7 см, в нижней части (в устье) 3,7 × 3,9 см.

Наконечники копий такой формы и пропорций имели распространение в самых разных культурах и регионах [Хазанов, 1971, табл. XXVI, 1, 3; Мелюкова, 1964, табл. 14, 11; Васильев, 2001, рис. 17, 2, 9; Прокопенко, 2014, ч. 2, рис. 94, 18, 95а, 2, 23, 95б, 7; и др.]. Но в составе ритуальных кладов нам известна только одна находка наконечника копья похожих пропорций – в Грушевском [Дедюлькин, 2012, рис. 3, 6], хотя из-за неполной сохранности грушевского копья трудно судить о том, насколько близким было это сходство.

2. Железная пряжка с неподвижным язычком (рис. 3, 2). Рамка с прогнутыми длинными сторонами по форме близка к восьмерковидной. В передней части пряжки имеется неподвижный язычок в виде крючка, загнутого вперед. Рамка пряжки в сечении подпрямоугольная или подтрапециевидная, язычок в сечении ромбовидный, ближе к концу подовальный. Размеры рамки: 6 × 7,8 см, длина пряжки с язычком 10,4 см, рамка в сечении 1–1,3 × 0,6–1 см. Пряжка найдена вместе с конской упряжью и, вероятно, была не поясной, а подпружной.

Пряжка достаточно оригинальная, восьмерковидные пряжки этого времени имеют с ней некоторое формальное сходство, но они в большинстве сделаны из бронзы с применением другой технологии (литье), отличаются в деталях, гораздо меньше размерами [Мошкова, 1960, с. 294, рис. 1, 1–4, 2, 4, 5; Глебов, 2023, с. 135, рис. 14–20]. Нам известно всего несколько подобных пряжек, сделанных из железа, но сходство их с пряжкой из Беломечётской-1 также достаточно отдаленное, несмотря на конструктивную близость [Мошкова, 1960, рис. 3, 15; Беглова, Эрлих, 2018, рис. 183, 9; Глебов, 2023, рис. 1, 20].

3. Железные удила, псалии и насадки. Многие из них фрагментированы, некоторые не получилось разделить при реставрации, поэтому типы и количество определяются лишь приблизительно.

Удила (рис. 3, 2–3, 4, 1–4, 5, 8–9, 6, 1–7): из-за фрагментированности точное количество установить трудно, но не менее 14 комплектов (скорее всего, 15–16 комплектов). Все удила двусоставные, в сечении чаще всего

подквадратные с выраженными или скругленными гранями (иногда подпрямоугольные или ромбические), в сечении от 0,5 до 0,9 см, или округлые (у некоторых видны неотчетливые грани), в сечении 0,7–0,9 см. Размеры: длина звеньев удил от 10 до 13,5 см, в большинстве – около 12 см, диаметр внешних колец около 3–4 см, внутренних – 2–2,5 см.

Псалии (рис. 5, 1–6) – 5–6 шт., все найдены отдельно от удил.

Два псалия сохранились полностью, один – большей частью. Псалии однотипные: двудырчатые стержневидные, с восьмерковидной средней частью и гладкими стержнями, у двух псалиев стержни округлые в сечении, диаметром 0,7–0,8 см (рис. 5, 1–2), у третьего сохранившийся стержень в сечении подпрямоугольный, 0,5 × 0,6 см (рис. 5, 3). Длина псалиев 12,5, 13,5 и около 15 см, диаметр отверстий разный: у одного из псалиев – 0,6–0,9 см, у двух других – около 0,2 см (возможно, малый диаметр отверстий объясняется коррозией).

Помимо этого, найдены три обломка стержней псалиев длиной 6–7 см. Один из них в сечении подквадратный, 0,7 × 0,7 см (рис. 5, 4), второй подпрямоугольный, 0,65 × 0,9 см (рис. 5, 5), у третьего стержень расширяется к концу (хотя, возможно, часть стержня утрачена из-за коррозии – не вполне ясно из-за плохой сохранности), концевая часть в сечении подпрямоугольная, 0,6 × 0,9 см (рис. 5, 6).

И.И. Марченко датировал стержневидные псалии с восьмерковидной средней частью (тип V по его классификации) V–IV вв. до н.э. [Марченко, 1996, с. 76]. Однако при этом он отмечает у разных исследователей большой разброс датировок подобных псалиев, имеющих широкое распространение в скифских памятниках, – от V до III в. до н.э. По Ю.А. Прокопенко, в Центральном Предкавказье такие псалии бытуют вплоть до начала II в. до н.э. [Прокопенко, 2014, ч. 1, с. 252, тип I, вар. 1].

Крестовидные насадки – все надеты на удила. Это так называемые строгие насадки, снабженные зубчатыми выступами (шипами), принадлежат к двум разным вариантам:

1. **Насадки с зубчатыми выступами на концах крестовин**, не менее 5 шт. (рис. 3, 3, 4, 1, 4, 5, 8, 6, 4). Размеры крестовин 6,9–7,7 см, количество зубцов – от 4 до 6 (не всегда по-

нятно из-за плохой сохранности). Сердцевидны насадок подквадратные либо не имеют четкой формы, крестовины в сечении подпрямоугольные.

Основным ареалом находок крестовидных насадок является Западное и Центральное Предкавказье. С.П. Кожухов датировал крестовидные насадки с зубчатыми выступами на концах крестовин концом IV – III в. до н.э. [Кожухов, 1994, с. 13, отд. I, тип 1], И.И. Марченко – IV – первой половиной III в. до н.э. [Марченко, 1996, с. 72, тип I]. Позднее И.И. Марченко и Н.Ю. Лимберис на материалах метотских могильников Прикубанья ограничили время бытования таких насадок (вар. В по их классификации) второй четвертью / серединой IV – началом или первой половиной III в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2019а, с. 171; 2022, с. 271]. Однако по данным Ю.А. Прокопенко в Центральном Предкавказье подобные насадки (отд. II, тип IV, вар. 5) используются вплоть до начала II в. до н.э. [Прокопенко, 2014, ч. 1, с. 248–250; Прокопенко, Рудницкий, 2022, с. 27–28].

В других регионах крестовидные насадки с раскованными в лопасти крестовинами, с зубцами и без, распространены очень мало. Несколько находок известно в Уральском регионе, причем все они происходят не из погребений, а из насыпей сарматских курганов или из межкурганых пространств: Прохоровка, курганы А и Б, Старые Киешки, курган 13, первая курганная группа Шиповского могильника, курган 7 [Стародубцев, 2012, с. 55–56].

2. *Насадки с зубчатыми выступами в средней части крестовин* – не менее 8–9 шт. (рис. 3,2–3, 4,3, 5,7, 6,7). Размеры крестовин – 7,7–10 см, в большинстве – 9–10 см, количество зубцов – от 2 до 5, в большинстве случаев – 3–4 (не всегда понятно из-за плохой сохранности). Сердцевидны насадок подквадратно-подпрямоугольные либо не имеют четкой формы, крестовины в сечении подквадратные, иногда подпрямоугольные.

И.И. Марченко датировал насадки с длинными крестовинами и выступами-шипами в средней части первыми тремя четвертями III в. до н.э., считая их промежуточным вариантом между насадками с выступами-шипами на концах (тип I) и насадками с гладкими крестовинами (тип II) [Марченко, 1996,

с. 73]. С.П. Кожухов отнес подобные насадки к III–II вв. до н.э. [Кожухов, 1994, с. 13, отд. I, тип 2]. Е.А. Беглова и В.А. Эрлих на материалах Тенгинского и других грунтовых могильников Закубанья пришли к заключению, что подобные насадки появляются в конце IV – начале III в. до н.э. и доживают до II в. до н.э. [Беглова, Эрлих, 2018, с. 156–157]. Такого же мнения придерживается Ю.А. Прокопенко в отношении памятников Центрального Предкавказья [Прокопенко, 2014, ч. 1, с. 250–251, разд. I, тип I, вар. 1]. И.И. Марченко и Н.Ю. Лимберис в настоящее время считают, что такие насадки (вар. D по их классификации) бытуют с начала III до середины II в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2019а, с. 171]. Впрочем, из диапазона бытования этих насадок нельзя исключить и третью четверть II в. до н.э. – дата погребения 7 могильника городища № 3 хутора Ленина, в котором найдены удила с насадками этого варианта, устанавливается по амфорным клеймам эпонима Алексиада и фабриканта Имаса между 142/141 и 137/136 гг. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2019б, с. 323].

Помимо Западного и Центрального Предкавказья крестовидные насадки с выступами-шипами в средней части или ближе к концу крестовин известны в Северном Причерноморье в ритуальныхкладах – Весёлая долина, Великопоское, Квашино, а также в погребениях – Глиное, Чистенькое, Ногайчинский курган [Симоненко, 2015, с. 227–232]. Находка таких насадок в последнем комплексе позволяет утверждать, что они доживают до I в. до н.э., по крайней мере в этом регионе.

Для уточнения хронологии крестовидных насадок большое значение имеет погребение 50³ из кургана 1 могильника IV Новолабинского городища, где сочетались оба варианта – с шипами на концах крестовин и с шипами в средней части [Раев, Беспалый, 2006, табл. 28]. Расположенный поблизости жертвенный комплекс погребения 10 со схожим инвентарем был перекрыт выкидом из погребения 1 [Раев, Беспалый, 2006, табл. 2]. Вероятно, и погребение 10, и погребение 50 были сооружены раньше насыпи кургана, но насколько значителен разделяющий их временной интервал – судить сложно. Они могли быть очень близки по времени и даже синхронны соору-

жению основного жертвенного комплекса кургана (погр. 1). Наличие в погребениях 1, 10, 50 предметов парадного конского убора, достаточно близкого по стилю, а также подвесок сбруи, переделанных из нащечников шлемов [Раев, Беспалый, 2006, табл. 6, 12, 32], косвенно указывает на хронологическую близость этих жертвенных комплексов. С.Ю. Монахов датировал амфору неизвестного центра из погребения 10 началом III в. до н.э. [Марченко, Лимберис, 2009, с. 71]. Эту датировку следует несколько расширить, поскольку среди инвентаря погребения 1, выкид из котлована которого перекрывал яму погребения 10, есть ручка родосской амфоры с клеймом [Раев, Беспалый, 2006, табл. 7]. Легенда уверенно восстанавливается [Ε]Π ΑΙΝΗΣ[Ι]Δ[ΑΜΟΥ], эмблема – пальмовая ветвь, клеймо принадлежит эпониму Энесидаму I. Этот магистрат относится к периоду Ic хронологической схемы Дж. Финкельштейна (245–236 гг. до н.э., время его деятельности относится к 244 г. до н.э.) [Finkielszejn, 2001, p. 92, 188]. Таким образом, датировку амфоры из погребения 10 можно расширить до середины – начала второй половины III в. до н.э. Нащечники из погребения 50 относятся к халкидскому шлему типа V или, с меньшей вероятностью, к шлему аттического типа и могут быть датированы концом IV – первой половиной III в. до н.э. [Дедюлькин, 2017, с. 111–112]. Но в этом случае дата шлема не может быть распространена на весь комплекс – нащечники шлема во вторичном использовании явно запаздывают. Учитывая общий археологический контекст, погребение 50 вряд ли возможно датировать временем более поздним, чем вторая половина III в. до н.э.

4. Фрагмент железного плоского кольца (рис. 6,8). Диаметр кольца 5,2 × 5,3 см, кольцо уплощенное, в сечении подтреугольное, 0,4 × 0,9 см. Сбоку к кольцу прикипел шип крестовидной насадки.

5. Фрагмент железного предмета (рис. 6,9). Размеры: 5,2 × 0,8–1,6 × 0,3 см.

Плохая сохранность вещей не позволяет с точностью определить количество уздечных наборов, содержавшихся в кладе. Очевидно, что часть удила не имела псалиев и насадок, так как количество комплектов удила значительно превосходит число пар псалиев и

насадок. Следует заметить, что в большинстве случаев ритуальные клады содержат от одного до трех уздечных наборов, и лишь немногие – четыре-шесть (Пластуновская, Антиповка, Усьманский, Левороссошанский, Весёлая Долина, Гэвань, Трушешти, Малиновка). Таким образом, на сегодняшний день клад из Беломечётской-1 содержит самый большой набор уздечных принадлежностей – по меньшей мере 14 комплектов удила.

Сочетание двух описанных выше вариантов крестовидных насадок позволяет определить время возможного захоронения клада из Беломечётской-1 в довольно широком хронологическом диапазоне – вторая половина III – начало II в. до н.э.

Ритуальные клады III–I вв. до н.э. как отдельная категория археологических памятников были выделены в 90-х гг. XX в. [Симоненко, 1993]. Ритуальные клады представляют собой наборы предметов конской упряжи (удила, псалии, фалары, налобники и пр., часто несколько комплектов) и вооружения (наконечники копий и стрел, мечи, панцири, шлемы), иногда с включением других вещей (детали поясной гарнитуры, различная посуда, фибулы, зеркала и пр.). Чаще всего вещи сложены в котел, сидулу или шлем, но нередки и клады без специальных вместилищ, как правило представляющие собой компактные скопления предметов. В большинстве случаев клады захоранивались в насыпях крупных курганов, иногда рядом с курганами в естественных возвышенностях, возможно с возведением собственной небольшой насыпи, изредка – на склонах балок [Глебов, 2016]. Эти комплексы получили в научной литературе различные названия: ритуальные клады, votivные клады, «странные комплексы», жертвенно-поминальные комплексы, ритуальные депозиты, в настоящее время эти термины обычно используются как синонимы. На сегодняшний день количество кладов в Северном Причерноморье и соседних регионах, по некоторым оценкам, составляет около 50 [Зайцев, 2012, с. 68, карта 1; Полин, 2014, с. 641]. Зачастую клады обнаруживаются случайными людьми, доходят до ученых в неполном составе и без информации о контексте находки, поэтому каждый случай открытия ритуального клада в ходе археологических раскопок представляет большой интерес.

Комплекс из Беломечётской-1 относится к разновидности кладов, захороненных без вместилища. Из близких по составу можно назвать следующие клады: Пластуновская (найден при раскопках кургана 2, состав: шесть комплектов железных удил с псалями и крестовидными насадками, бронзовый налобник, согнутый железный стержень, сужающийся и заостренный с одного конца); Верхний (найден при раскопках кургана 4, состав: удила с крестовидными насадками, набор фаларов, наконечник копья); Квашино (найден при распахке кургана, состав: три комплекта удил с псалями и крестовидными насадками, наконечники копья и дротика, железный втульчатый наконечник стрелы); Гордашевка (найден на склоне в верховьях глубокой балки, состав: шесть комплектов удил, из них пять с псалями, один – с крестовидной насадкой, набор фаларов, два железных конских налобника, серебряные ворворки, две пряжки, железный колчаный крюк, железные трехлопастные наконечники стрел); Трушешти (найден в слое неолитического поселения, на холме, состав комплекса: четыре комплекта удил с псалями, наконечник копья, набор фаларов).

Территория распространения ритуальных кладов III–I вв. до н.э. очень широка, она охватывает все Северное Причерноморье, Нижнее и Среднее Подонье, Прикубанье и не совпадает с ареалами ни одной из археологических культур этого времени. Это обстоятельство породило большое количество гипотез относительно этнокультурной атрибуции «странных комплексов» (обзор основных версий см.: [Зайцев, 2012, с. 67–68; Глебов и др., 2020, с. 369–375]). Нам кажется наиболее вероятным, что обычай захоронения ритуальных кладов, содержащих предметы конской упряжи и вооружения, – это надкультурное явление, присущее как кочевникам западных областей Сарматии, так и части поздних скифов (Тираспольская группа в Поднестровье), с определенным региональным своеобразием (подробнее см.: [Глебов и др., 2020, с. 374–375]).

Сарматская принадлежность кладов восточной (доно-кубанской) группы, как нам представляется, не подлежит сомнению прежде всего потому, что в степной части Нижнего Подонья и Прикубанья в последних веках до нашей эры отсутствовало какое-либо на-

селение, помимо кочевников-сарматов. Кроме этого, следует отметить во многих кладах восточной группы вещи, считающиеся диагностирующими для раннесарматской культуры: мечи с серповидными навершиями из Вессёлого⁴ и Острога, наконечники стрел с длинными гранеными черешками и ложковидные наконечники ремней из Рестумова II, котлы сарматского типа из Качалинской и Рестумова II и др., зооморфный крючок из Качалинской – в рассматриваемое время такие крючки были в ходу, главным образом, у сарматов [Ивченко, Карнаух, 2010]. Очевидно, что и ритуальный клад из Беломечётской-1 был оставлен сарматами, кочевья которых доходили до предгорной зоны Большого Кавказского хребта. В таком случае для этого комплекса более вероятна поздняя дата, так как сарматы осваивают степное Предкавказье, скорее всего, не ранее рубежа III–II вв. до н.э. [Шевченко, 2020, с. 287–288].

Комплекс из Беломечётской-1 интересен прежде всего своим географическим положением. В результате картографирования ритуальных кладов выделяются две зоны их концентрации: западная – Северо-Западное Причерноморье – бассейны Южного Буга, Днестра и Прута, восточная – Дон и Прикубанье [Редина, Симоненко, 2002, с. 85–86; Зайцев, 2012, с. 69, карта 1]. Кроме того, известны отдельные комплексы вне этих зон, находящиеся иногда довольно далеко от районов концентрации ритуальных кладов. Именно к таким единичным комплексам относится клад из Беломечётской-1. В Центральном Предкавказье, в отличие от Подонья и Прикубанья, ритуальные клады распространены очень мало (рис. 7). Ю.П. Зайцев, правда, в свое время высказал версию о тяготении нижнедонской и прикубанской групп кладов к городищам Закубанья (Тенгинское и IV Новолабинское) и Ставрополья (Татарское и Грушевское) [Зайцев, 2012, с. 69], однако, на наш взгляд, эту гипотезу нельзя назвать удачной, хотя бы в силу значительной удаленности районов концентрации кладов от ставропольских городищ.

До открытия клада из Беломечётской-1 в Центральном Предкавказье был известен единственный подобный комплекс, исследованный на втором Ханкальском городище

[Петренко, 1975]. В состав этого клада входили удила, налобник с крючком, подковообразная подвеска узды, бусы и подвески, раковина каури, два просверленных астрагала. Правда, в комплексе отсутствует какое-либо оружие, но в этом ничего необычного нет, так как клады, содержащие минимальное количество предметов вооружения или вообще не содержащие оружия, не являются редкостью (Пластуновская, Пролетарский, Красный IV, Усьманский, Нововасильевка, Новые Бедражи, Твардица и др.). Однако место захоронения ханкальского клада совершенно необычно. Клад был найден на территории обитаемого городища («у края рва, опоясывающего укрепленную часть поселения»), по соседству с действующими грунтовыми могильниками⁵ [Виноградов, Петренко, 1999, с. 6–8]. В связи с этим возникают сомнения, действительно ли ханкальский комплекс относится к ритуальнымкладам конского снаряжения и вооружения, одним из критериев для выделения которых в самостоятельную категорию памятников считается как раз отсутствие связи с погребениями, поселениями, городищами.

Кроме того, к ритуальнымкладам из Центрального Предкавказья иногда относят комплекс (?) находок из Кисловодска [Симоненко, 2021, рис. 11, карта, п. 28], однако для этого нет достаточных оснований. Находки – шлем Монефортино, два сосуда, наконечник копья, удила с колесовидными псалиями и др. – были обнаружены случайно на индивидуальном участке, расположенном на западном склоне известного археологического комплекса окрестностей Кисловодска – «Рим-Горе», на разной глубине. По мнению автора публикации С.Н. Савенко, вещи могут происходить из разрушенных погребений курганов в районе Учкелена – Терезе [Савенко, 1998, с. 46]. Мы склонны согласиться с этой версией. Заметим здесь, что недокументированные находки шлемов совершенно не обязательно указывают на ритуальныеклады⁶. Шлемы нередко происходят из погребений как кочевников-сарматов, так и оседлого населения Предкавказья [Шевченко и др., 2011, с. 142–144; Глебов, Дедюлькин, 2022, с. 266–268].

По-видимому, не имеет отношения к ритуальнымкладам и шлем из Курганинска, ошибочно причисленный А.В. Симоненко к

«ритуальным депозитам» [Симоненко, 2014, с. 271; 2021, рис. 11, карта, п. 27]. Шлем местного производства группы Даховская-Мезмай [Дедюлькин, 2013, с. 131–133] был найден в контексте святилища – ритуальной площадки на вершине кургана. В районе этой площадки были открыты следы жертвоприношений: расчлененные скелеты людей, каменные плиты-жертвенники, а также большое количество разнообразных предметов – видимо, жертвенных даров. Помимо шлема там были обнаружены чешуйки от панциря, обрывки кольчуги, наконечники стрел, железный ритуальный жезл в виде «мирового дерева» с головками оленьей, бронзовая статуэтка человека, сидящего на рогатом «быке-кабане», фрагменты кружальных и лепных сосудов, бусы, золотые украшения: фибула-брошь, фрагменты трех шейных гривен, браслет, золотая бусина, подвески из цепочек, кусочек золотой фольги и др. Многие вещи были искусственно повреждены («ритуально убиты»): шлем был сплюснен, золотые гривны изрублены, браслет скручен в узел. Святилище, несомненно, связано с многочисленными (более 100) меотскими погребениями II–I вв. до н.э., исследованными в кургане [Берлизов, 2012, с. 46–48; Эрлих, 2013, с. 84].

Таким образом, клад из Беломечётской-1 – это первый для Центрального Предкавказья комплекс, обладающий всеми признаками бесспорного ритуального клада: захоронен в большом кургане, не связан с погребениями, содержит несколько комплектов конской узды и оружие – наконечник копья. Открытие ритуального клада конской упряжи и вооружения в кургане могильника Беломечётская-1 позволяет утверждать, что сарматам Центрального Предкавказья также была присуща традиция захоронения ритуальныхкладов, хотя, видимо, и в меньших масштабах, чем в степном Прикубанье и Подонье.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Часть исследования, подготовленная А.В. Дедюлькиным, выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета («Приоритет 2030»).

The study (part of A.V. Dedyulkin) was supported by the South Federal University

Strategic Academic Leadership Programme (Priority 2030).

² Авторы выражают благодарность В.А. Меньшиковой за информацию о комплексе и разрешение на публикацию материала.

³ Термин «погребение» используется нами условно, следуя публикации памятника. На самом деле погр. 50 представляет собой жертвенник [Раев, Беспалый, 2006, с. 30], как и погр. 1, 10 и еще ряд комплексов в этом кургане [Эрлих, 2013, с. 82–83].

⁴ В данном случае мы следуем традиционной трактовке разрушенного комплекса из кургана у х. Весёлый как ритуального клада. Справедливости ради отметим, что вещи – шлем Монтефортино (точнее, гибрид Монтефортино и шле-

мов «псевдоаттического» типа), меч с серповидным навершием и бронзовая бляшка – могут происходить и из погребения.

⁵ Авторы выражают благодарность Ю.А. Прокopenko за консультацию по поводу второго Ханкальского городища.

⁶ Исключением можно считать случайные находки шлемов с окислами железа внутри (например, Ново-Прохоровка) – очевидно, что это следы железных удил и псалиев, выброшенных находчиками. В сарматских погребениях, в отличие от ритуальных кладов, ни разу не зафиксированы случаи помещения узды или каких-либо других предметов внутрь шлема [Глебов, Дедюлькин, 2022, с. 268].

ПРИЛОЖЕНИЯ

Рис. 1. Местонахождение курганного могильника Беломечётская-1

Fig. 1. Location of the kurgan burial ground Belomechetskaya-1

1

2

Рис. 2. Ритуальный клад в кургане 3 могильника Беломечётская-1:

1 – ритуальный клад in situ, вид с Ю (фото В.А. Меньшиковой);

2 – скипевшиеся предметы из ритуального клада (фото А.В. Дедюлькина)

Fig. 2. Votive hoard in kurgan 3 of the Belomechetskaya-1 burial ground:

1 – votive hoard in situ, view from the south (photos by V.A. Menshikova);

2 – objects from the votive hoard joined together by corrosion (photos by A.V. Dedyulkin)

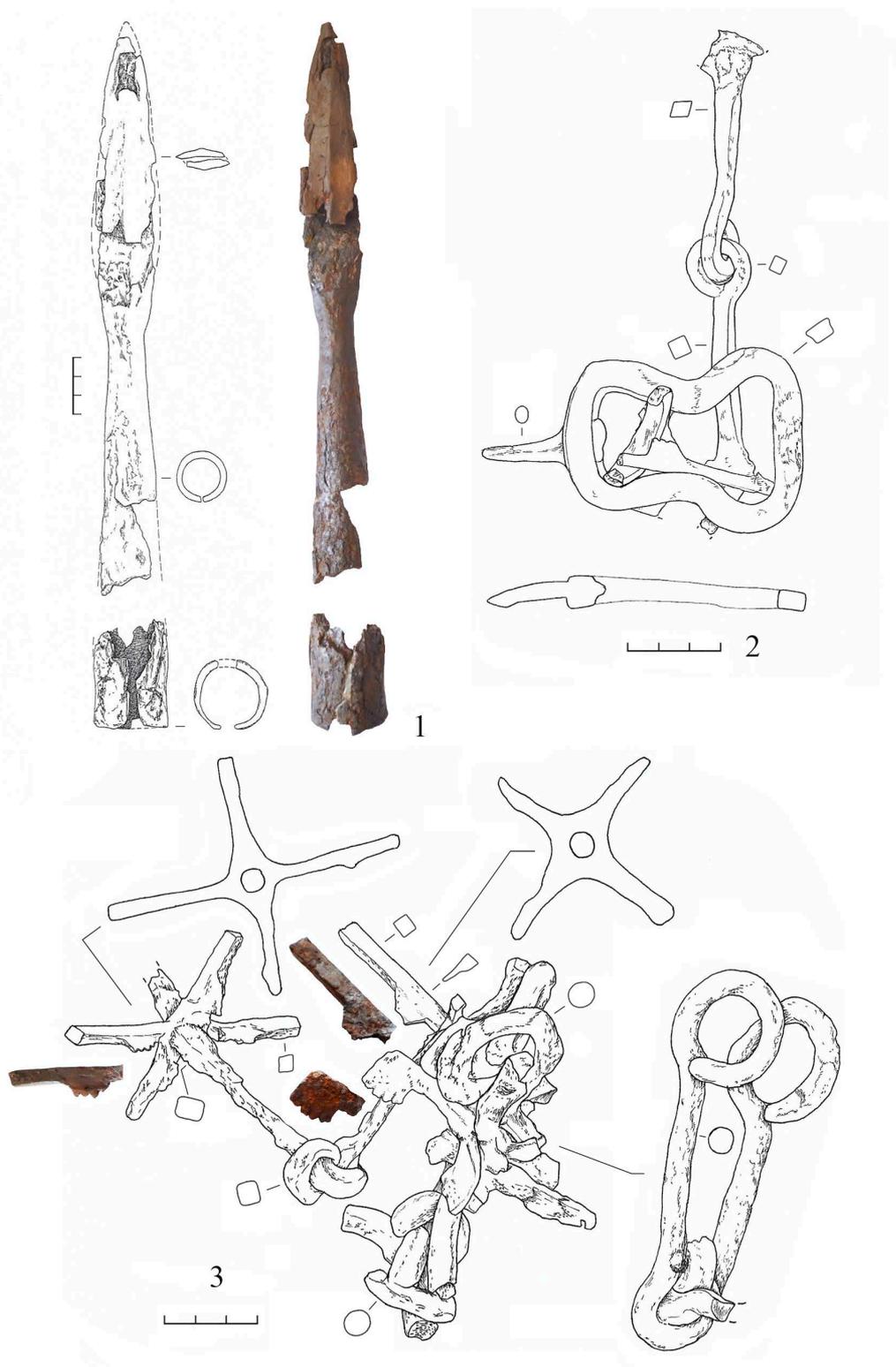

Рис. 3. Ритуальный клад в кургане 3 могильника Беломечётская-1:

1 – наконечник копья; 2 – пряжка, фрагменты удила и насадок;
3 – удила и насадки (прорисовка Г.Е. Парусимовой, фото А.В. Дедюлькина)

Fig. 3. Votive hoard in kurgan 3 of the Belomechetskaya-1 burial ground:

1 – spearhead; 2 – buckle, fragments of bits and attachments;
3 – bits and attachments (drawing by G.E. Parusimova, photos by A.V. Dedyulkin)

Рис. 4. Ритуальный клад в кургане 3 могильника Беломечётская-1:
1–4 – удила и насадки (прорисовка Г.Е. Парусимовой, фото А.В. Дедюлькина)
Fig. 4. Votive hoard in kurgan 3 of the Belomechetskaya-1 burial ground:
1–4 – bits and attachments (drawing by G.E. Parusimova, photos by A.V. Dedyulkin)

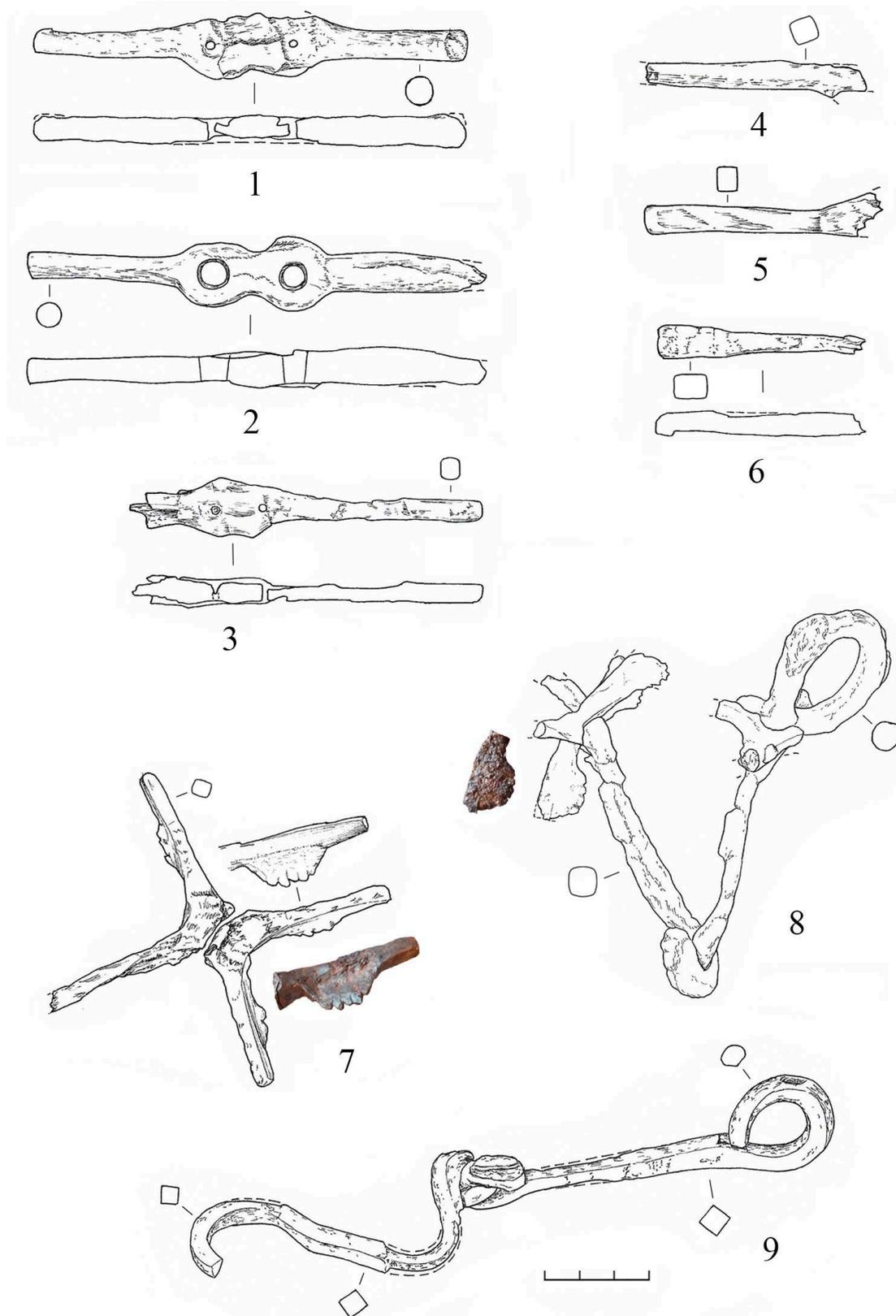

Рис. 5. Ритуальный клад в кургане 3 могильника Беломечётская-1:

1–9 – псалии, удила, насадки (прорисовка Г.Е. Парусимовой, фото А.В. Дедюлькина)

Fig. 5. Votive hoard in kurgan 3 of the Belomechetskaya-1 burial ground:

1–9 – cheekpieces, bits, attachments (drawing by G.E. Parusimova, photos by A.V. Dedyulkin)

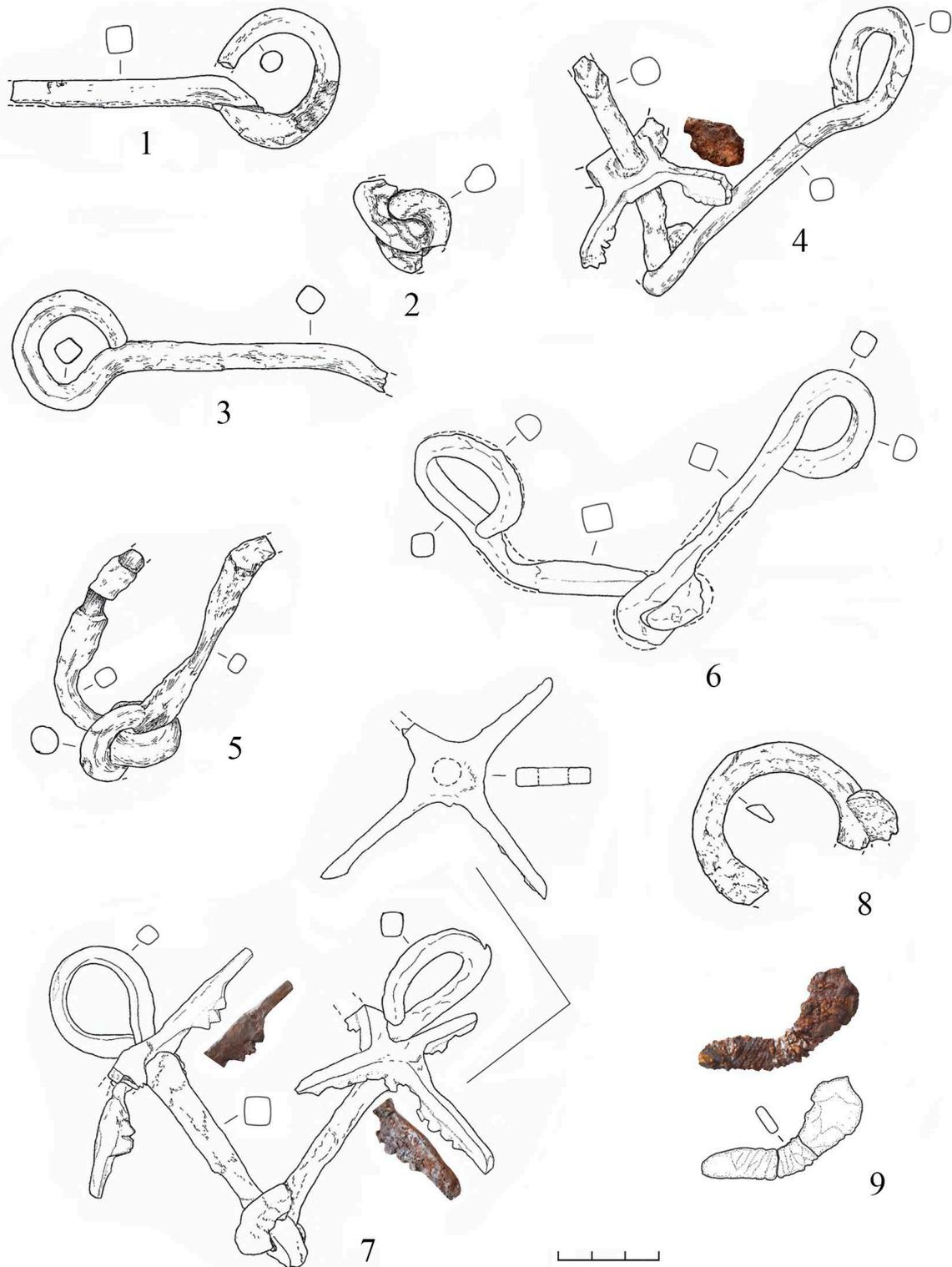

Рис. 6. Ритуальный клад в кургане 3 могильника Беломечётская-1:

1–7 – удила и насадки; 8 – фрагмент железного кольца;
9 – фрагмент железного предмета (прорисовка Г.Е. Парусимовой, фото А.В. Дедюлькина)

Fig. 6. Votive hoard in kurgan 3 of the Belomechetskaya-1 burial ground:

1–7 – bits and attachments; 8 – fragment of an iron ring;
9 – fragment of an iron object (drawing by G.E. Parusimova, photos by A.V. Dedyulkin)

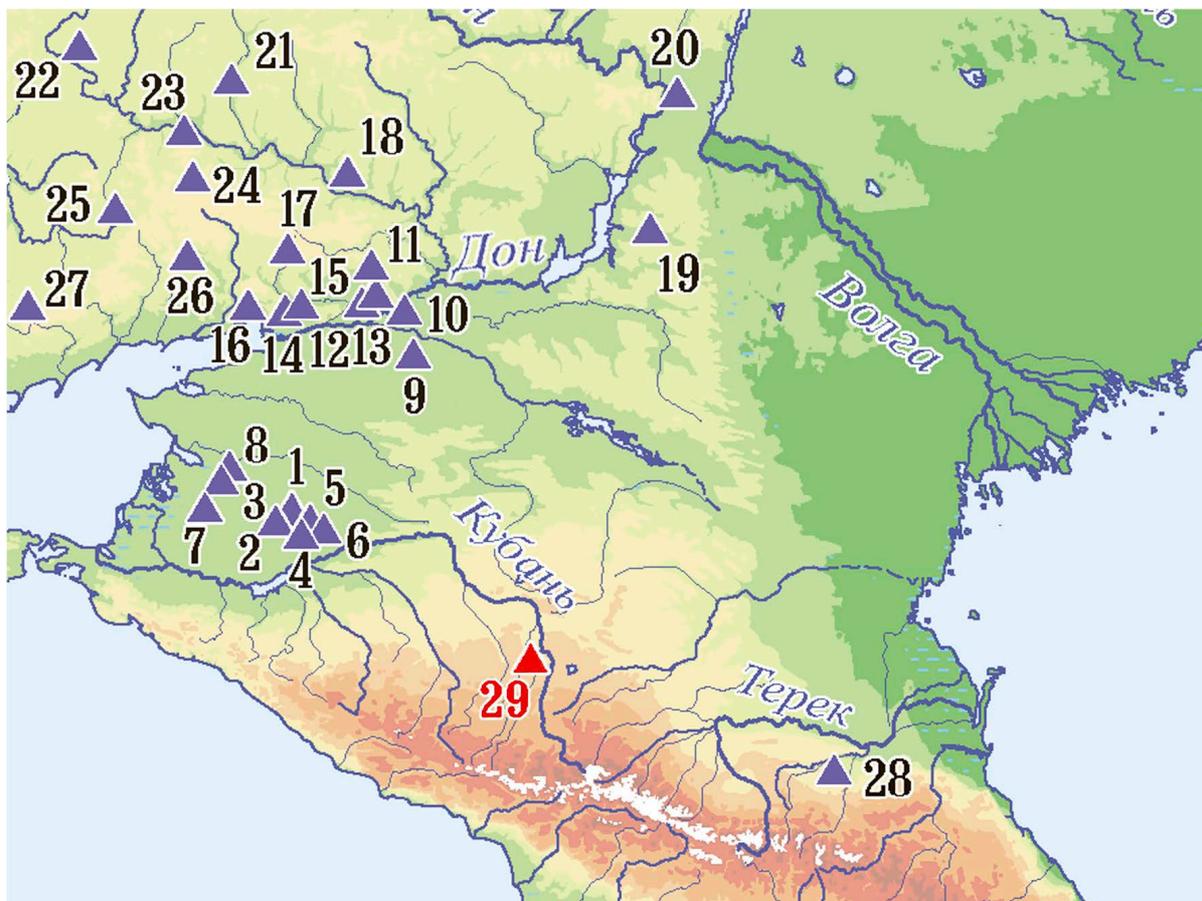

Рис. 7. Ритуальные клады III–I вв. до н.э. в Северо-Восточном Приазовье, Нижнем Подонье и Предкавказье:

- 1 – Пролетарский; 2 – Сергиевская; 3 – Роговская; 4 – Пластуновская; 5 – Кореновск; 6 – Верхний;
 7 – Бойко-Понура; 8 – Новоджерелиевская; 9 – Весёлый; 10 – Федулов; 11 – Турбута III; 12 – Красный;
 13 – Грушевский; 14 – Царский; 15 – Недвиговка; 16 – Таганрог; 17 – Новопрохоровка; 18 – Рестумов II;
 19 – Жутово; 20 – Качалинская; 21 – Старобельск; 22 – Балаклея; 23 – Приволье; 24 – Дебальцево; 25 – Острый;
 26 – Квашино; 27 – Токмак-Могила; 28 – II Ханкальское городище; 29 – Беломечётская-1

Fig. 7. Votive hoards of the 3rd – 1st centuries BC in the North-Eastern Azov region, Lower Don region and Ciscaucasia:

- 1 – Proletarsky; 2 – Sergievskaya; 3 – Rogovskaya; 4 – Plastunovskaya; 5 – Korenovsk; 6 – Verkhniy;
 7 – Boyko-Ponura; 8 – Novodzherelievskaya; 9 – Vesyoliy; 10 – Fedulov; 11 – Turbuta III; 12 – Krasny;
 13 – Grushevsky; 14 – Tsarsky; 15 – Nedvigovka; 16 – Taganrog; 17 – Novoprokhorovka; 18 – Restumov II;
 19 – Zhutovo; 20 – Kachalinskaya; 21 – Starobelsk; 22 – Balakleya; 23 – Privolye; 24 – Debaltsevo; 25 – Ostry;
 26 – Kvashino; 27 – Tokmak-Mogila; 28 – II Khankala settlement; 29 – Belomechetskaya-1

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беглова Е. А., Эрлих В. Р., 2018. Меоты Закубанья в сарматское время (по материалам Тенгинского грунтового могильника). М. ; СПб. : Нестор-История. 384 с.
- Берлизов Н. Е., 2012. Сарматское святилище в Восточном Закубанье // Историко-археологический альманах. Вып. 11. Армавир ; Краснодар ; М. : Гранат. С. 45–52.
- Васильев В. Н., 2001. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до нашей эры. Уфа : Гилем. 153 с.
- Виноградов В. Б., Петренко В. А., 1999. Ханкальские древности – источник по истории и культуре местных племен I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Армавир : Армавир. ГПИ. 50 с.
- Глебов В. П., 2016. О вариантах обряда захоронения «ритуальных кладов» III–I вв. до н.э. // *Stratum plus*. № 3. С. 145–161.
- Глебов В. П., 2023. Пряжки и поясные бляхи нижнедонской раннесарматской культуры II–I вв. до н.э. // Региональные особенности хронологии и периодизации савроматских и сарматских культур : материалы XI Всерос. науч. конф. с междунар. участием «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. памяти А.С. Скрипкина, г. Волгоград, 15–19 мая 2023 г. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 134–148.
- Глебов В. П., Гордин И. А., Дедюлькин А. В., 2020. Новые находки «ритуальных кладов» в Нижнем Подонье // *Germania-Sarmatia*. Вып. III. М. : ИА РАН. С. 355–383.
- Глебов В. П., Дедюлькин А. В., 2022. Новая находка импортного шлема в сарматском погребении на правом берегу Кубани // *Восток (Oriens)*. № 6. С. 264–276. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086919080023575-9>
- Дедюлькин А. В., 2012. Ритуальный комплекс из кургана 18 Грушевского могильника. Проблемы хронологии // *Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э.* Тирасполь : Изд-во ПГУ. С. 34–45.
- Дедюлькин А. В., 2013. Шлемы серии Даховская-Мезмай. Типология и проблемы генезиса // *Восточноевропейские древности*. Воронеж : Науч. кн. С. 124–135.
- Дедюлькин А. В., 2017. Нашечники шлема с изображением сцены жертвоприношения из Закубанья // *Новое прошлое*. № 2. С. 106–119.
- Зайцев Ю. П., 2012. Северное Причерноморье в III–II вв. до н.э. : ритуальные клады и археологические культуры (постановка проблемы) // *Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э.* Тирасполь : Изд-во ПГУ. С. 67–72.
- Ивченко А. В., Карнаух Е. Г., 2010. Погребение II в. до н.э. с колчанным крючком из Ольвийского некрополя // «СΥΜΒΟΛΑ». Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Вып. 1. М. ; Киев : Триумф принт. С. 82–87.
- Кожухов С. П., 1994. Вооружение и конское снаряжение у племен Закубанья меото-сарматского времени (III в. до н.э. – III в. н.э.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 22 с.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2019а. Железные удила со строгими насадками из меотских могильников Прикубанья // *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.)*. Т. V. Материалы X Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь : ООО «Фирма “Салта” ЛТД». С. 161–174.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2019б. Погребения с родосскими амфорами из меотских могильников краснодарской группы // *Античный мир и археология*. Вып. 19. Саратов : Техно-Декор. С. 318–341.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2022. Комплекс конской узда из меотского погребения на правом берегу Кубани // *Нижневожский археологический вестник*. Т. 21, № 1. С. 267–275. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.14>
- Марченко И. И., 1996. Сираки Кубани. Краснодар : Изд-во КубГУ. 338 с.
- Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., 2009. Пластинчатые конские налобники из Прикубанья // *Археология, этнография и антропология Евразии*. № 3 (39). С. 69–74.
- Мелюкова А. И., 1964. Вооружение скифов. САИ. Вып. Д1-4. М. : Наука. 91 с.
- Мошкова М. Г., 1960. Раннесарматские бронзовые пряжки // *МИА*. № 78. С. 293–307.
- Петренко В. А., 1975. Клад конского снаряжения из раскопок второго Ханкальского городища (Чечено-Ингушетия) // *Советская археология*. № 4. С. 256–259.

- Полин С. В., 2014. Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н.э. на Херсонщине. Киев : Олег Филлок. 776 с.
- Прокопенко Ю. А., 2014. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н.э. : в 2 ч. Ставрополь : Печатный двор. Ч. 1 – 445 с.; Ч. 2 – 720 с.
- Прокопенко Ю. А., Рудницкий Р. Р., 2022. Склеп «Каменная могила» III–I вв. до н.э. (южные окрестности г. Железноводска). Ставрополь : Изд-во СКФУ. 102 с.
- Раев Б. А., Беспалый Г. Е., 2006. Курган скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН. 110 с.
- Редина Е. Ф., Симоненко А. В., 2002. «Клад» конца II – I вв. до н.э. из Веселой Долины в кругу аналогичных древностей Восточной Европы // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 2. Краснодар. С. 78–96.
- Савенко С. Н., 1998. Бронзовый шлем типа «Montefortino» из фондов Кисловодского музея // Античная цивилизация и варварский мир (материалы 6-го археологического семинара). Ч. 1. Краснодар : Гос. акад. культуры. С. 46–50.
- Симоненко А. В., 1993. «Клады» снаряжения всадника II–I вв. до н.э.: опыт классификации и этнической интерпретации // Вторая кубанская археологическая конференция : тез. докл. Краснодар : КубГУ. С. 89–90.
- Симоненко А. В., 2014. Шлемы сарматского времени из Восточной Европы // *Stratum Plus*. № 4. С. 249–284.
- Симоненко А. В., 2015. Сарматские всадники Северного Причерноморья. Киев : Олег Филлок. 466 с.
- Симоненко А. В., 2021. К хронологии «кладов» конского снаряжения раннесарматского времени // *Stratum plus*. № 4. С. 25–48.
- Стародубцев М. В., 2012. К хронологии двух типов петельчатых удил у ранних кочевников Южного Урала // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 2 (17). С. 51–60.
- Хазанов А. М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М. : Наука. 172 с.
- Шевченко Н. Ф., 2020. Сарматы Центрального и Западного Кавказа в раннесарматское время // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения : материалы Междунар. науч. конф. Махачкала : МавраевЪ. С. 287–289.
- Шевченко Н. Ф., Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И., 2011. Княжеское погребение эллинистического времени в могильнике Мезмай (Северо-Западный Кавказ) // Вестник древней истории. № 1. С. 115–152.
- Эрлих В. Р., 2013. Святилища в меотской культуре // Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р. Меоты Закубанья IV–III вв. до н.э. Некрополи у аула Уляп. Святилища и ритуальные комплексы. М. : Гос. музей Востока. С. 72–89.
- Finkielsztejn G., 2001. Chronologie detaillee et revisee des eponyms amphoriques rhodiens de 270 a 108 av. J.-C. environ. Premier bilan. BAR International Series 990. Oxford. 260 p.

REFERENCES

- Beglova E.A., Erlih V.R., 2018. *Meoty Zakuban'ya v sarmatskoe vremya (po materialam Tenginskogo gruntovogo mogil'nika)* [Maeotians of the Trans-Kuban Region in the Sarmatian Time (According to the Materials of the Tenginskaya Burial Ground)]. Moscow; Saint Petersburg, Nestor-Istoria Publ. 384 p.
- Berlizov N.Ye., 2012. Sarmatskoye svyatilishche v Vostochnom Zakuban'ye [Sarmatian Sanctuary in the Eastern Trans-Kuban Region]. *Istoriko-arkheologicheskij al'manakh* [Historical and Archaeological Almanac], iss. 11. Armavir; Krasnodar; Moscow, Granat Publ., pp. 45-52.
- Vasiliev V.N., 2001. *Vooruzheniye i voyennoye delo kochevnikov Yuzhnogo Urala v VI–II vv. do nashey ery* [Weapons and Military Affairs of the Nomads of the Southern Urals in the 6th – 2nd Centuries BC]. Ufa, Gilem Publ. 153 p.
- Vinogradov V.B., Petrenko V.A., 1999. *Khankal'skiye drevnosti – istochnik po istorii i kul'ture mestnykh plemen I tys. do n.e. – I tys. n.e.* [Khankala Antiquities – A Source on the History and Culture of Local Tribes of the 1st Millennium BC – 1st Millennium AD]. Armavir, Armavir State Pedagogical Institute. 50 p.
- Glebov V.P., 2016. O variantakh obryada zakhoroneniya «ritual'nykh kladov» III–I vv. do n.e. [About Variants of the Funeral Practice of Ritual Hoards of 3rd – 1st Centuries BC]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 145-161.
- Glebov V.P., 2023. Pryazhki i pojasnyye blyakhi nizhnedonskoy rannesarmatskoy kul'tury II–I vv. do n.e. [Buckles and Belt Plates of the of the Lower Don Early Sarmatian Culture of the 2nd – 1st Centuries BC]. *Regional'nyye*

- osobnosti khronologii i periodizatsii savromatskikh i sarmatskikh kul'tur: materialy XI Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiyem «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii», posvyashch. pamyati A.S. Skripkina, g. Volgograd, 15–19 maya 2023 g.* [Chronology and Periodization of the Sauromat and Sarmatian Cultures: Regional Features. Proceedings of the 11th All-Russian Scientific Conference with International Participation “Problems of Sarmatian Archeology and History” Dedicated to the Memory of Prof. Anatoly S. Skripkin, Volgograd, May 15–19, 2023]. Volgograd, VolSU, pp. 134-148.
- Glebov V.P., Gordin I.A., Dedyulkin A.V., 2020. Novyye nakhodki «ritual'nykh kladov» v Nizhnem Podon'ye [New Finds of “Ritual Treasures” in the Lower Don Region]. *Germania-Sarmatia* [Germania-Sarmatia], iss. III. Moscow, IA RAS, pp. 355-383.
- Glebov V.P., Dedyulkin A.V., 2022. Novaya nakhodka importnogo shlema v sarmatskom pogrebenii na pravoberezh'ye Kubani [New Finding of an Imported Helmet in a Sarmatian Burial on the Right Bank of the Kuban]. *Vostok [Oriens]*, no. 6, pp. 264-276. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086919080023575-9>
- Dedyulkin A.V., 2012. Ritual'nyy kompleks iz kurgana 18 Grushevskogo mogil'nika. Problemy khronologii [Ritual Complex from Mound 18 of the Grushevsky Burial Ground. Problems of Chronology]. *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ya III–II vv. do n.e.* [Antiquities of the Northern Black Sea Region of the 3rd – 2nd Centuries BC]. Tiraspol, PSU, pp. 34-45.
- Dedyulkin A.V., 2013. Shlemy serii Dakhovskaya-Mezmay. Tipologiya i problemy genezisa [Helmets of the Dakhovskaya-Mezmay Series. Typology and Problems of Genesis]. *Vostochnoyevropeyskiye drevnosti* [East European Antiquities]. Voronezh, Nauch. kn. Publ., pp. 124-135.
- Dedyulkin A.V., 2017. Nashhechniki shlema s izobrazheniem sceny zhertvoprinosheniya iz Zakuban'ya [The Cheek-Pieces with a Sacrifice Scene from the Kuban Region]. *Novoye proshloye* [The New Past], no. 2, pp. 106-119.
- Zaitsev Yu.P., 2012. Severnoye Prichernomor'ye v III–II vv. do n.e.: ritual'nyye klady i arkheologicheskiye kul'tury (postanovka problemy) [Northern Black Sea Region in the 3rd – 2nd Centuries BC: Ritual Treasures and Archaeological Cultures (Problem Statement)]. *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ya III–II vv. do n.e.* [Antiquities of the Northern Black Sea Region of the 3rd – 2nd Centuries BC]. Tiraspol, PSU, pp. 67-72.
- Ivchenko A.V., Karnaukh E.G., 2010. Pogrebeniye II v. do n.e. s kolchannym kryuchkom iz Ol'viyskogo nekropolya [Burial of the 2nd Century BC with a Quiver Hook from the Olbian Necropolis]. «*ΣΥΜΒΟΛΙΑ*». *Antichnyy mir Severnogo Prichernomor'ya. Noveyshiye nakhodki i otkrytiya* [“ΣΥΜΒΟΛΙΑ”. The Ancient World of the Northern Black Sea Region. The Latest Finds and Discoveries], iss. 1. Moscow; Kyiv, Triumph print Publ., pp. 82-87.
- Kozhukhov S.P., 1994. *Vooruzheniye i konskoye snaryazheniye u plemen Zakuban'ya meoto-sarmatskogo vremeni (III v. do n.e. – III v. n.e.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Weapons and Horse Equipment of the Tribes of Trans-Kuban Region of the Meotian-Sarmatian Period (3rd Century BC – 3rd Century AD). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow. 22 p.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2019a. Zheleznye udila so strogimi nasadkami iz meotskikh mogil'nikov Prikuban'ya [The Iron Bits with a Rigid Check-Devices from the Maeotian Burials of the Kuban River Region]. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.). Materialy X Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400). Proceedings of the 10th International Research Conference “The Aspects of Sarmatian Archeology and History”], vol. V. Simferopol', Salta LTD Publ., pp. 161-174.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2019b. Pogrebeniya s rodoskimi amforami iz meotskikh mogil'nikov krasnodarskoy gruppy [Burials with Rhodian Amphoras from the Meotian Burial Grounds of the Krasnodar Group]. *Antichnyy mir i arkheologiya* [The Ancient World and Archaeology], iss. 19. Saratov, Tekhno-Décor Publ., pp. 318-341.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2022. Kompleks konskoy uzdy iz meotskogo pogrebeniya na pravoberezh'e Kubani [Horse Bridle Assemblage from the Maeotian Burial on the Right Bank of the Kuban River]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 1, pp. 267-275. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.14>
- Marchenko I.I., 1996. *Siraki Kubani* [Siraki Kuban]. Krasnodar, KubSU. 338 p.
- Marchenko I.I., Limberis N.Yu., 2009. Plastinchatyye konskiye nalobniki iz Prikuban'ya [Plate Horse Forehead Protectors from the Kuban Region]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii* [Archaeology, Ethnography & Anthropology of Eurasia], no. 3 (39), pp. 69-74.
- Melyukova A.I., 1964. *Vooruzheniye skifov* [Weapons of the Scythians]. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov, iss. Д1-4. Moscow, Nauka Publ. 91 p.

- Moshkova M.G., 1960. Rannesarmatskiye bronzovyye pryazhki [Early Sarmatian Bronze Buckles]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii* [Materials and Research on Archeology], no. 78, pp. 293-307.
- Petrenko V.A., 1975. Klad konskogo snaryazheniya iz raskopok vtorogo Khankal'skogo gorodishcha (Checheno-Ingushetiya) [Hoard of Horse Equipment from Excavations of the Second Khankala Settlement (Chechen-Ingushetia)]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 4, pp. 256-259.
- Polin S.V., 2014. *Skifskiy Zolotobalkovskiy kurgannyi mogil'nik V-IV vv. do n.e. na Khersonshchine* [Scythian Zolotobalkovsky Burial Mound of the 5th – 4th Centuries BC in the Kherson Region]. Kyiv, Oleg Filyuk Publ. 776 p.
- Prokopenko Yu.A., 2014. *Skify, sarmaty i plemena kobanskoj kul'tury v Tsentral'nom Predkavkaz'ye vo vtoroy polovine I tys. do n.e.: v 2 ch.* [Scythians, Sarmatians and Tribes of the Koban Culture in the Central Ciscaucasia in the Second Half of the 1st Millennium BC. In 2 Parts]. Stavropol, Pechatnyy dvor Publ. Pt. I. 445 p.; pt. II. 720 p.
- Prokopenko Yu.A., Rudnitsky R.R., 2022. *Sklep «Kamennaya mogila» III-I vv. do n.e. (yuzhnyye okrestnosti g. Zheleznovodsk)* [Crypt “Stone Grave” 3rd – 1st Centuries BC (Southern Outskirts of Zheleznovodsk)]. Stavropol, SKFU. 102 p.
- Raev B.A., Bespalyy G.E., 2006. *Kurgan skifskogo vremeni na gruntovom mogil'nike IV Novolabinskogo gorodishcha* [Scythian-Era Kurgan on the Cemetery of the IV Novolabinskoye Settlement]. Rostov-on-Don, SSC RAS. 110 p.
- Redina E.F., Simonenko A.V., 2002. «Klad» kontsa II – I vv. do n.e. iz Veseloy Doliny v krugu analogichnykh drevnostey Vostochnoy Yevropy [“Hoard” of the End of the 2nd – 1st Centuries BC from Veselaya Dolina in the Circle of Similar Antiquities of Eastern Europe]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani*, iss. 2, Krasnodar, pp. 78-96.
- Savenko S.N., 1998. Bronzovyy shlem tipa «Montefortino» iz fondov Kislovodskogo muzeya [Bronze Helmet of the “Montefortino” Type from the Collections of the Kislovodsk Museum]. *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir (materialy 6-go arkheologicheskogo seminara)* [Ancient Civilization and the Barbarian World (Materials of the 6th Archaeological Seminar)], pt. 1. Krasnodar, State Academy of Culture, pp. 46-50.
- Simonenko A.V., 1993. «Klady» snaryazheniya vsadnika II-I vv. do n.e.: opyt klassifikatsii i etnicheskoy interpretatsii [“Hoards” of Horseman's Equipment of the 2nd – 1st Centuries BC: An Attempt at Classification and Ethnic Interpretation]. *Vtoraya kubanskaya arkheologicheskoy konferentsiya: tez. dokl.* [Second Kuban Archaeological Conference. Abstracts of Reports]. Krasnodar, KubSU, pp. 89-90.
- Simonenko A.V., 2014. Shlemy sarmatskogo vremeni iz Vostochnoy Yevropy [The Helmets of the Sarmatian Age in the Eastern Europe]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 249-284.
- Simonenko A.V., 2015. *Sarmatskiye vsadniki Severnogo Prichernomor'ya* [Sarmatian Horsemen of the Northern Pontic Region]. Kiev, Oleg Filyuk Publ. 466 p.
- Simonenko A.V., 2021. K khronologii «kladov» konskogo snaryazheniya rannesarmatskogo vremeni [On the Chronology of the “Hoards” of Horse Harness of Early Sarmatian Age]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 25-48.
- Starodubtsev M.V., 2012. K khronologii dvukh tipov petel'chatyy udil u rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala [On the Chronology of Two Types of Looped Bits Among the Early Nomads of the Southern Urals]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 2 (17), pp. 51-60.
- Khazanov A.M., 1971. *Ocherki voyennogo dela sarmatov* [Essays on the Military Affairs of the Sarmatians]. Moscow, Nauka Publ. 172 p.
- Shevchenko N.F., 2020. Sarmaty Tsentral'nogo i Zapadnogo Kavkaza v rannesarmatskoye vremya [Sarmatians of the Central and Western Caucasus in the Early Sarmatian Time]. *Arkheologicheskoye naslediyе Kavkaza: aktual'nyye problemy izucheniya i sokhraneniya. XXXI Krupnovskiyе chteniya: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [Archaeological Heritage of the Caucasus: Current Problems of Study and Preservation. 31st Krupnov Readings. Proceedings of the International Scientific Conference]. Makhachkala, Mavraev Publ., pp. 287-289.
- Shevchenko N.F., Zaytsev Yu.P., Mordvintseva V.I., 2011. Knyazheskoye pogrebeniye ellinisticheskogo vremeni v mogil'nike Mezmay (Severo-Zapadnyy Kavkaz) [Princely Burial of the Hellenistic Period in the Mezmay Cemetery (Northwestern Caucasus)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], no. 1, pp. 115-152.
- Erlikh V.R., 2013. Svyatilishcha v meotskoy kul'ture [Sanctuaries in the Meotian Culture]. Leskov A.M., Beglova Ye.A., Ksenofontova I.V., Erlikh V.R. *Meoty Zakuban'ya IV-III vv. do n.e. Nekropoli u aula Ulyap. Svyatilishcha i ritual'nyye komplekсы* [Meotians of Transkuban Region 4th – 3rd Centuries BC. Necropolises near the Village of Ulyap. Sanctuaries and Ritual Complexes]. Moscow, The State Museum of Oriental Art, pp. 72-89.
- Finkielsztejn G., 2001. *Chronologie detaillee et revisee des eponyms am-phoriques rhodiens de 270 a 108 av. J.-C. environ.* Premier bilan. BAR International Series 990. Oxford. 260 p.

Information About the Authors

Vyacheslav P. Glebov, Candidate of Sciences (History), Researcher, Archaeological Research Bureau, Ulyanovskaya St, 50, 344002 Rostov-on-Don, Russian Federation, glebov-63@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9692-4616>

Anton V. Dedyulkin, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Archaeology and History of the Ancient World, Southern Federal University, Bolshaya Sadovaya St, 33/43, 344082 Rostov-on-Don, Russian Federation, donrumata@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0100-8007>

Информация об авторах

Вячеслав Петрович Глебов, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Археологическое научно-исследовательское бюро, ул. Ульяновская, 50, 344002 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, glebov-63@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9692-4616>

Антон Владимирович Дедюлькин, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира, Южный федеральный университет, ул. Большая Садовая, 33/43, 344082 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, donrumata@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0100-8007>